

Так, само по себе наступление определенного возраста и наличие необходимого стажа еще не порождают пенсионных правоотношений. Но эти факты открывают возможность для активности субъектов — дают возможность требовать от органов социального обеспечения назначения пенсии, т. е. создаются некоторые (промежуточные) правовые последствия. Пенсионные же правоотношения возникают на основе всей совокупности фактов: наступления определенного возраста, необходимого стажа, властного индивидуального акта компетентного органа государства о назначении пенсии.

Представленные соображения о компонентах фактического состава дают возможность определять фактический состав не только как систему юридических фактов, но и юридически значимых условий. Таким образом, уточненное определение фактического состава необходимо формулировать следующим образом: фактический состав есть система юридических фактов и юридически значимых условий, предусмотренных нормами права в качестве основания для наступления правовых последствий [10, 85].

Литература

1. Общая теория государства и права: В 2 т. / Под ред. М. Н. Марченко. — М.: Зерцало, 1998. — Т. 2. Теория права. — 656 с.
2. Тарасова В. А. Юридические факты в области социального обеспечения // Вестник Московского университета. Право. — 1972. — № 4. — С. 36.
3. Исаков В. В. Фактический состав в механизме правового регулирования / Саратов. ун-т. — 1980. — 127 с.
4. Матюхина А. А. Нормативные условия осуществления норм советского права // Вестник Московского университета. Право. — 1982. — № 6. — С. 71.
5. Ханнанов Р. А. Нормативные условия в динамике гражданского правоотношения // Советское государство и право. — 1973. — № 8.
6. Цивільний кодекс України від 16.01.2003 р. // Голос України. — 2003. — 13 берез.
7. Матузов П. И. Общие правоотношения как разновидность социалистических правовых отношений // Вопросы теории государства и права. — Саратов, 1976. — Вып. 4. — С. 99.
8. Бодерскова Г. С. Юридические факты в механизме правового регулирования трудовых отношений рабочих и служащих: Межвуз. темат. сб. — Калинин, 1982. — 183 с.
9. Алексеев С. С. Общая теория права: В 2 т. — М.: Юрид. лит., 1982. — Т. 2. — 178 с.
10. Чувакова А. М. Дефектность фактических составов: Автореф. дис.... канд. юрид. наук. — О., 2004. — 19 с.

УДК 340.122:124.4

А. И. Некрасов

ИДЕАЛЫ ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА

Общим местом в ряде работ по теории и философии права стало понимание естественного права как морали. Это понимание неверно хотя бы уже потому, что мораль и нравственность — не одно и то же. Мораль представляет собой личностное видение и оценку общественных отношений и их регулирования. Нравственность же представляет собой систему обязательных норм поведения

© А. И. Некрасов, 2008

членов некоей общности людей. Под моралью применительно к праву понимается общественная нравственность. Поэтому пишущие и говорящие весьма непринуждённо используют выражение «нормы естественного права». Но это не что иное, как нормы нравственности.

Признание нравственности в качестве естественного права свидетельствует о явном непонимании смысла указанной *стороны* права. Разумеется, нравственность оказывает влияние на генезис и функционирование правовых норм, однако она является отдельным, самостоятельным фактором правотворчества и правоприменения. По историческим меркам нравственность изменяется очень быстро. Стоит измениться хотя бы одному детерминирующему нравственность фактору, как существенно изменяется ряд норм. Например, крах идеологии коммунизма раскрепостил поведение людей. Ушло в прошлое такое явление, как «нетрудовые доходы» мелких пользователей земли и других категорий граждан. Оказалось, что их доходы вполне трудовые, что на дому трудиться не менее важно, чем на заводе, поэтому мелких товаропроизводителей перестали «клеить позором». Существует много норм нравственности, определяемых природой, необходимостью помощи и сотрудничества людей и т.д., но при всём положительном потенциале их нельзя отнести к естественному праву.

Происхождение естественного права иное. Его источник — природа живого существа. Червь естественно рыться в земле, рыба плавать в воде, птице летать в воздухе, а человеку жить свободным. Данный источник не в пример современным правоведам хорошо понимали древнеримские юристы, что и зафиксировано в известной работе: «Естественное право (*jus naturale*) — это то, которому природа научила всё живое: ибо это право присуще не только человеческому роду, но и всем животным, которые рождаются на земле и в море, и птицам; сюда же относится сочетание мужчины и женщины, которое мы называем браком, сюда же порождение детей, сюда же воспитание; мы видим, что животные, даже дикие, обладаю знанием этого права» [1, 23]. В естественном праве в отличие от нравственности нет момента долженствования. Как писал А. И. Герцен, пчела делает мёд не потому, что на ней лежит священный долг делать мёд, а просто потому, что она пчела.

Определение, данное в «Дигестах Юстиниана», является лучшим в философско-правовой литературе, поскольку оно наиболее адекватно выражает сущность естественного права. Не случайно в новое время философы выводят естественное право из *природы* человека. И лишь позитивизм превращает данную сторону права в мораль. Эта позиция прижилась в среде правоведов, поскольку оказалась более чем удобной для формирования культа позитивного права. С точки зрения позитивистов даже нравственность в её истинном значении является лишь фрагментом *фона*, на котором развёртываются величественные полотна конституций, кодексов, обычных законов и, в особенности, подзаконных актов. Мысль позитивиста движется от права к другим областям общественной жизни, а не в обратном направлении. Для позитивиста главное — логика; не должно быть противоречия между документами и нормами права (хотя и несколько омрачают многочисленные факты коллизий в позитивном

праве). Всё остальное приложится само собой. Всё остальное — это та же нравственность, религия наука, экономика, искусство, философия, бесчисленные факты общественной практики. Они выступают как бы довесками к стройной логике права. Жизнь должна приспособиться к праву, а не право к жизни. Что же касается первоначального источника представлений о праве, то этот вопрос представляется некорректным и бессмысленным. Нельзя же, в самом деле, спрашивать, что может быть севернее Северного полюса. Право самодостаточно и самодетерминированно. Оно порождено государством, им охраняется и изменяется, оно же является эпицентром культуры, от него расходятся лучи света и знаний на прочие области общественной жизни. Наиболее явно эта позиция выражена в работах В. С. Нерсисянца. Для данного автора справедливость, свобода и равенство являются результатом правотворчества и вне права лишаются какого бы то ни было смысла.

Однако если стоять на позиции детерминизма, происхождение права выглядит совершенно иначе. Ни червь, ни рыба, ни птица, ни пчела не могут поведать нам о естественных условиях своего существования. В отличие от них человек способен это сделать. Знание о естественных условиях существования человек выражает не только в нормах нравственности, поскольку нормы ситуативны и означают лишь приспособление человека к условиям существования. Вопреки переменчивости норм поведения знание о естественных для человека условиях существования выражается в идеалах. Опыт множества поколений, живших в разные эпохи, в разных культурах, в разных странах аккумулируется, обобщается и выражается в коллективных духовных явлениях, называемых идеалами. Именно благодаря идеалам представители разных культур, хотя и с большими трудностями, сумели понять друг друга.

Характеристики идеала таковы. Идеал является обобщением опыта множества людей, живших в разное время в разных странах, и потому может быть только общественным. Умозрительные представления индивида о лучшей жизни нельзя считать идеалом, в этом случае идеалов было бы столько же, сколько людей было в прошлом, есть в настоящем и будет в будущем. А это уже абсурд. В литературе идеал часто определяют через цель, что необоснованно. Вопреки мнению авторитетов можно утверждать, что сознание не всегда сводится к постановке и реализации целей. Цель всегда конкретна, а идеал абстрактен, цель проецируется в недалёкое будущее, а идеал не связан с определённым временем. Кроме того, цели бывают ложными, чего нельзя сказать об идеале. Наиболее сложно соотношение идеала с утопией. На первый взгляд кажется, будто в основу утопии положен идеал. В действительности же фигурирует единственное сходство с идеалом — неудовлетворённость существующим положением дел. Во всём остальном утопия также конкретна, как и цель. Утопия содержит в себе тотальную регламентацию жизни людей и, в конце концов, терпит крах. Идеал же, единожды возникнув, краха не ведает и существует вечно, показывая тем самым преемственность культуры. Содержание идеала хорошо выражается понятиями сущности и явления. Сущность идеала неизменна до тех пор, пока не изменится природа человека. Явления же идеала разнообразны.

В состав идеала входят ценность (или ценности). Идеал *обладает* ценностью, а не является ею. Следование идеалу нравственно, но сам не является элементом нравственности. В состав идеала входит идея, мысль о чём-либо, но не теория, концепция, доктрина и др. В состав идеала входит мечта, которая совсем не обязательно связывает его с утопией. В состав идеала входит также чувство, переживание. Идеал исключает равнодушие и равнодушных людей. Когда идеал овладевает умами и душами людей, его становится невозможным отрицать и даже преуменьшать. Люди спорят лишь о явлениях идеала либо, что чаще происходит, смешивают явление идеала с его сущностью. Тогда иногда возникают ситуации, когда кажется, что идеал заводит общество в «глухой кут» или даже терпит крах. Например, идеал социализма не потерпел крах. Такая участь постигла явление казарменного социализма, явление, не соответствовавшее сущности идеала социализма. Раскритикованные К. Марксом и Ф. Энгельсом модели социализма, как ни странно, существуют до сих пор.

Идеал базируется на природе человека, хотя далеко не сводится к ней. Природа человека двойственна: она биологична и духовна. Первое представляет собой анатомию и физиологию человека, второе — неизменяемые ни при каких обстоятельствах свойства сознания: стремления к познанию, вере, самоутверждению, общению, наслаждению и др. Это духовные потребности человека в отличие от его материальных потребностей. Вопреки разнообразным писаниям биологическая и духовная природа человека неизменна в течение многих тысячелетий и нет намёка на её изменение в будущем. Однако оба начала — природа и дух — постоянно борются в человеке. Исход борьбы различен в тех или иных эпизодах жизни. Преобладание животности в поведении человека характеризует его как животного, хотя бы и с рассудком, что выражается в алчности, ненависти, злобе, властолюбии, зависти, коварстве и прочих не лучших свойствах Homo sapiens. Преобладание духовности над животностью проявляется в гуманизме, в стремлении к определённому порядку отношений, к знаниям, к вере в божество, к созданию художественных образов действительности и др. Лишь благодаря такому преобладанию у людей может формироваться и передаваться из поколения в поколение опыт совместной жизни. Идеал представляет собой обобщение опыта многих поколений, он есть продукт творчества множества людей и потому «принадлежит» всему человечеству в целом и никому в частности. Он как бы обслуживает всех людей и не прописан ни по одному ведомству. Идеал, подобно солнцу, светит одинаково всем людям в любой ситуации и в любой области общественной жизни. Нелепы и неуклюжи попытки «приписать» его к искусству и литературе, к праву, к этике, к философии и т.д. Идеалы есть самое общественное из всех общественных достояний. В этом убеждает анализ их происхождения.

В первобытную эпоху возник идеал справедливости. Первоначально справедливость означала установление (или восстановление) равновесия отношений между индивидами или родами. Механистический термин «равновесие» означает симметричность отношений и однородность содержания действий, которые выражали эти действия. В истории права данное воплощение идеала

получило название талионного права или более упрощённо — «око за око, зуб за зуб». На убийство члена рода отвечали убийством члена рода-обидчика, а когда ответное убийство заменили штрафом, с этого момента начались удивительные метаморфозы. Может ли штраф заменить убитого? Тут уж нет ни симметричности, ни однородности действий. Штрафы сохранились до наших дней свидетельством неуклюжести позитивного права. Как писал Р. Иеринг, штрафы «по необходимости обратились под влиянием нашей современной теории доказательства в одно из самых жалких средств, которыми правосудие когда-либо пробовало сопротивляться неправу» [2, 81]. Принцип талионного права жив по сей день в межличностных отношениях, как правило, неадекватно выражая соотношение «преступления» и «наказания».

В рабовладельческом обществе справедливость выступает в качестве эквивалента человеческой деятельности. Продавец и покупатель до встречи на рынке не знали друг друга, а сейчас между ними может быть установлено отношение эквивалента: определённое количество и качество труда приравниваются посредством денег к примерно такому же количеству и качеству труда покупателя. Полного соответствия быть не может, но без справедливости в виде эквивалента не может быть и сделки между покупателем и продавцом. В положительном смысле справедливость как эквивалент проявляется в распределении почестей и наград, а также в трудовой деятельности: сколько заработал, столько и получи. В отрицательном смысле эквивалентная справедливость проявляется в наказании за преступление. Чаши весов Фемиды находятся на одном уровне. Это идеал соответствия наказания преступлению. Практически достичь такого соответствия невозможно, но иногда нормы уголовных кодексов отходят так далеко от идеала, что выглядят насмешкой над справедливостью.

В более развитом обществе в эпоху Возрождения формируется идеал гуманизма (человеколюбия). В соответствии с ним справедливость понимается как гуманизм одних людей по отношению к другим людям. Тут уж нет ни установления (восстановления) равновесия отношений, ни эквивалента в отношениях людей. Есть лишь уважение к другому человеку как подобному себе. Данный вид справедливости претерпевает эволюцию от подаяния денежки нищему на улице до гуманитарной помощи целым народам.

Не очень популярна предупреждающая (превентивная) справедливость. Её сущность состоит в предупреждении зла. Осуществлению данного проявления справедливости препятствует библейская заповедь: не донеси на ближнего... и богатый «опыт» доносительства в разных странах. Что же делать, когда «ближний» собирается ограбить квартиру соседа или убить его? Можно «донести» и предупредить преступление, а можно остаться в стороне, если, конечно, не замучает совесть. Пусть читатель сам выберет себе позицию.

Идеал справедливости освещает не только частные ситуации, в которых он является инструментом порядка; идеал подразумевает и состояние общей картины человеческих отношений. Частные проявления справедливости резюмируются в общей справедливости, которая называется социальной. Социальная справедливость представляет собой такое состояние общественных отношений,

при котором, несмотря на наличие антагонизмов между большими социальными группами населения, возможен доступ к духовным и материальным благам всех членов общества в соответствии с их заслугами или принадлежностью к человеческому роду. Справедливость «по заслугам» проявляется не только как раздача вознаграждений, а и как наказание в соответствии с совершённым преступлением. Чаши весов Фемиды не случайно находятся на одном уровне: преступление уравнивается наказанием. Справедливость как принадлежность к человеческому роду выражается в стремлении приблизить к себе наиболее ущемлённых членов общества, создать им хотя бы минимальные условия жизни. В XIX веке К. Маркс писал, что о свободе общества можно судить по положению женщины.

Идеал свободы возникает в рабовладельческом обществе. Первым его проявлением была свобода «от...» — от неблагоприятных не столько природных, сколько социальных условий жизни. На пути к свободе всегда были преграды, их следовало преодолеть. Поэтому свобода «от...» представляет собой негативную сторону данного идеала. Позитивная сторона идеала состоит в том, для чего нужна свобода. Негативная сторона сама по себе не содержит указания на то, как будет использована свобода. Свобода «для...» так же разнообразна, как и свобода «от...». Свобода «от...» есть чувство радости, восторженное переживание, раскрепощение; свобода «для...» есть свобода духа, творчества, вероисповедания, слова, рода занятий, передвижений и т.д. В конечном счёте всякая свобода «для...» есть качество жизни, соответствующее ценностям данного общества в данную эпоху. Свободен тот, кто хорошо живёт, то есть реализует всё, на что оказывается способен. В таком понимании свободы, как в фокусе, сосредоточиваются всё её частные позитивные определения. Такое понимание данного идеала сближает его со счастьем и смыслом жизни и, разумеется, не противоречит справедливости.

В рабовладельческую эпоху возник и идеал равенства. В отличие от справедливости и свободы равенство не имеет корней в природе, подобно «справедливости» более сильного животного или его свободы. Природа создала людей неравными в их наследственности, а культура стремится сделать их равными, так как только при условии равенства (одинаковости) легче всего организовать «согласный муравейник». Равенство является исключительно достоинством культуры и понимается как сходство людей в каких-либо отношениях. Первоначально было лишь равенство людей в нравственности, перед богами, (Богом), позже воплощается в праве, имущественных отношениях, политике. Равенство существует в трёх известных ипостасях: уравниловка, формальное равенство, фактическое равенство.

Когда мы смотрим на небо, звёзды кажутся нам хотя и разной величины, но расположенными на одинаковом расстоянии от наблюдателя. Идеалы, в отличие от звёзд, кажутся однокалиберными и, если уж не выстроенными в одну шеренгу, то расположенными в одной временной плоскости. Действительность сложнее обыденного представления. Идеалы связаны со всеми областями человеческой жизни, а также между собой. Сочетания идеалов порождают новые

идеалы. Одним из них является идеал права. Изначальное понимание права как правды-справедливости есть понимание его именно как идеала. Более всего право связано со справедливостью, оно выражает справедливость как в частных случаях взаимоотношений людей, так и в общем виде — как социальной справедливости. Первенство тут принадлежит социальной справедливости (отнюдь не сводящейся к распределению материальных благ), поскольку частные случаи приобретают значение справедливости или несправедливости лишь с точки зрения справедливости общей, социальной. Целое общества, общее благо населения обладает приоритетом по отношению к частям: индивидам, социальным группам или ситуациям, в которые они попадают.

Сложным представляется «участие» идеала свободы в идеале права. Свобода «от...» не переходит автоматически в свободу «для...». Эта особенность порождает деление свободы на формальную и фактическую. На могильном памятнике известного борца за гражданские свободы в США Мартина Лютера Кинга написано: «Свободен, свободен, наконец-то свободен!». Ирония написанного состоит в формальном значении слов. Позитивное право способно провозглашать свободы, которые не подкреплены реальными делами. Нет недостатка в декларировании таких свобод в различных документах права. Бывают случаи, когда принимается закон, на реализацию которого не выделены финансовые средства. Закон принимается лишь в пропагандистских целях. В данном облике свободы форма преобладает над содержанием. Формализмом веет и от свободы воли индивида, если она не ведёт к улучшению его жизни. Нельзя не вспомнить одну из миниатюр А. Райкина, в которой он говорит собеседнику: вы имеете право, но не можете сделать. Фактическая же свобода состоит в таком качестве жизни человека, которое соответствует общественным ценностям данной эпохи, а различия в степени свободы зависят лишь от наследственности индивидов. Право обязано создать условия для самореализации личности, для стабильности и развития общества. В этом видится смысл и высшее предназначение позитивного права.

Наиболее проблематично «участие» в идеале права идеала равенства. Равенство в отличие от «справедливости» более сильного животного и его свободы не имеет корней в природе. Оно является исключительно продуктом культуры. Животных уравнивают единые условия обитания, а людей уравнивают, кроме этого, нормы права как явления культуры. Фактическая свобода предполагает фактическое равенство в определённом ценностном диапазоне возможностей индивидов. Но биологическое, а затем и имущественное неравенство людей так велики, что выходят за пределы ценностного диапазона возможностей: одни утопают в роскоши, другие в нищете, одни развивают свой ум и душу, другие ежедневно думают о куске хлеба. Не впадая в грех уравниловки, возможности одних должны быть урезаны в пользу других. Иного *справедливого* решения нет. Необходимо привести всех людей к некоему «общему знаменателю», к единому стандарту, иначе говоря, установить формальное равенство. Формальное равенство — истина во всемирно-историческом плане и в обществе, заключённом в рамки государственных границ. Без принципа фор-

мального равенства не состоялось бы многое в жизни людей. Оно является основой любой игры, игрой является и жизнь по писаному праву. В этом видится положительное значение формального равенства.

В то же время этот принцип права нивелирует индивидуальности людей и особенности ситуаций, в которые люди попадают. Необходим учёт этих обстоятельств, однако для этого необходимо нарушить принцип формального равенства всех членов общества. Формальное равенство от абстрактного признания всех людей равными восходит к формальному равенству отдельных социальных групп: стариков, участников войны, инвалидов, бизнесменов, многодетных или одиноких матерей, крестьян, народных депутатов Украины, педагогических и медицинских работников, военнослужащих и др. В пределах каждой группы индивиды формально равны между собой. Но фактически и в этих группах не все люди равны между собой. В известные времена говорилось о том, что медаль за бой и медаль за труд из одного металла льют, ну а во времена нынешние участники войны разделились государством на участников боевых действий и просто участников войны. Цинизм этого деления понятен, однако существуют и объективные основания деления групп на подгруппы, а тех на подгруппы второго поколения (например, на участников боевых действий против Германии и на таких же участников войны в Афганистане) и т.д. Чем больше происходит дифференциация групп и подгрупп, тем ближе формальное равенство к другой истине — равенству фактическому. Оно-то как раз и учитывает различные особенности членов группы различной степени общности и особенности ситуаций, в которые попадают люди. Скажем, бытовало общественное мнение не считать участниками войны лиц, попавших в плен или находившихся в концлагерях. Мать, родившая внебрачного ребёнка, не могла, по общественному мнению, рассчитывать на помощь государства, поскольку ребёнок «незаконный». Фактическое равенство в соответствии со справедливостью учитывало все такие ситуации. Действующее или действовавшее когда-либо право можно оценивать по степени приближения формального равенства к равенству фактическому.

Таким образом, право производно от сочетания, по меньшей мере, трёх рассматриваемых идеалов. Правом в собственном смысле этого слова можно назвать лишь естественное право и те нормы позитивного права, которые выражают естественное право. Л. Фейербах писал: «Я живу не потому, что я имею право жить, но потому я и имею неоспоримое право жить, что живу. Право есть нечто вторичное; праву предшествует то, что не является правом, то есть то, что больше права, что не является человеческим установлением» [3, 642]. Абсолютной истиной выглядит суждение: естественное право *ещё* не право, а позитивное право без естественного — *уже* не право. Праву противостоит его диалектическая противоположность — антиправо, а не просто неправое, которое включает в себя и предправо — результаты своеобразных экспериментов населения по изменению содержания общественных отношений (усыновление-удочерение детей, образование религиозных сект, неформальные трудовые договоры, самозахваты земель и многое другое). Государство впоследствии либо при-

знаєть ці експерименти, або отвергнет их. Всё остальное от лукавого, всё остальное есть произвол сильных мира сего, который рядится в одежды права. Как писал Р. Иеринг, «ужасное беззаконие может вершиться под видом права над самим правом» [2, 60]. Указанные Гегелем в «Философии права» примеры неправы в действительности являются антиправом — явлением, противоположным по смыслу праву.

Если же позитивное право соответствует идеалам человечества, оно и является тем правом, о котором грезят идеалисты всех времён и народов. Такое право всегда находится в сладком будущем, в настоящем же горькая сиюминутность. Обычно говорят: «такое время», «такова проза жизни», «ничего не поделаешь», «плетью обуха не перешибёшь» и т.п. Проза жизни в действительности, поэзия в уме. Люди, претерпевающие несправедливость в частных ситуациях или социальную несправедливость могут лишь помечтать о блаженном мире, в котором каждое явление справедливости, свободы и равенства нашло бы своё отображение в действующем праве. Для этого необходимо, чтобы духовность в человеке всегда побеждала животность. Пусть идеал выглядит утопией, но даже в таком виде он не теряет привлекательности.

Литература

1. Дигесты Юстиниана. — М.: Наука, 1984.
2. Иеринг Р. Борьба за право. — С.Пб, 1895.
3. Фейербах Л. Право и государство // Избранные философские произведения. — М., 1955. — Т. 1.

УДК 340.122(38)

С. В. Ромашкін

АКСІОЛОГІЯ ПРИРОДНО-ПРАВОВОЇ ШКОЛИ ПРАВА У ВЧЕННЯХ ПЛАТОНА ТА АРІСТОТЕЛЯ

Теорія природного права є філософською школою юриспруденції. Констатація цього факту зумовлює специфічний підхід до розгляду особливостей природно-правового пізнання і, насамперед, його методології. Методологією цього типу пізнання є метафізика (від грецьк. *meta ta physika* — те, що за фізичним). За фізичним перебуває думка, інтелігібельне (від лат. *Intelligibilis* — мислимий).

Першим мислителем, хто з усією виразністю поєднав проблему пізнання з поняттям інтелігібельного, був Платон, за ним Арістотель. Ключовою у творчості Платона є думка про ідеї усіх речей. Під ідеєю, або ейдосом, грецький мислитель розумів ціле і граничне усіх речей, включно й правових.

Якою є аргументація Платона? У який спосіб людина в змозі наблизитися до світу ідей? Відповідь на ці запитання Платон викладає у головних своїх метафізичних діалогах [1, 111–113; 2, 99–144; 3, 463–540; 4, 147–151].